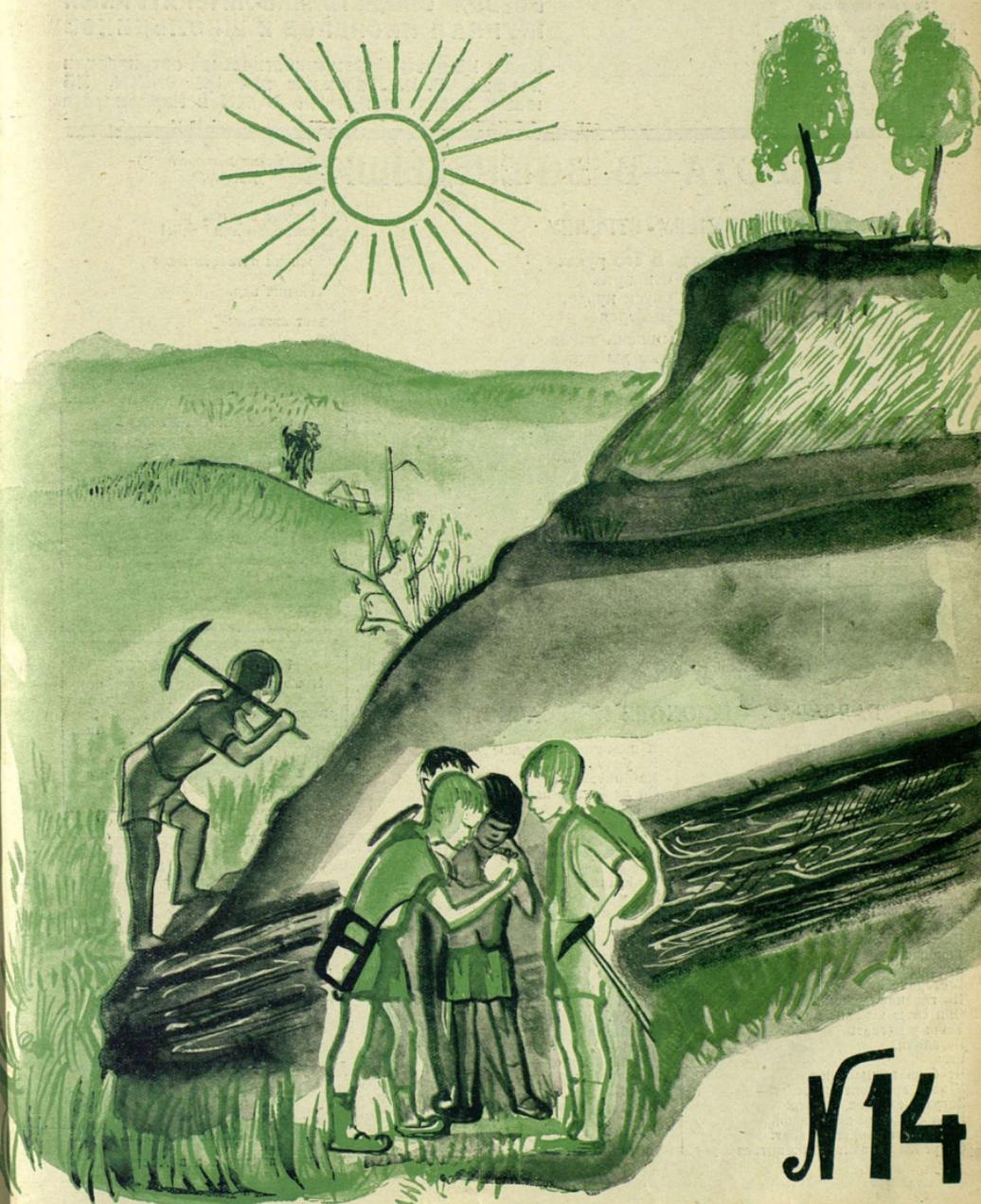

ПИОНЕР

№14

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1930

Адрес редакции
Москва Центр, Новая пл., 6.
Условия подписки.

36 номеров без приложений:
на год — 3 р., 6 м. — 1 р. 60 к.,
3 м. — 85 коп., 1 м. — 80 коп.

36 номеров с приложением
12 сборников «Вторая Ступенька»
на год — 8 р., 3 м. — 3 р.,
6 м. — 4 р. 35 к., 3 м. — 2 р. 80 к.

**БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ**

Орган ЦБ детской коммунистической организации
имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ
юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

РАБОТА — БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

Стихи деткоров
„Пионера“

ПИОНЕРУ - СТРЕЛКУ

Его взгляд тверд. В его руках
Винтовка крепко стиснута.
Напрягся он... И спуск курка,
И слышны звуки выстрела.

Его глаза в мишень впилась.
Он как-то чутко дышит...
И звуки голоса неслись:
„Девятка! Целься выше!“

А дни идут. Вернее глаз
От каждой тренировки...
Я знаю, друг, в свободный час
Ты изучал винтовку.

Рука не спустит зря курок
И метко бьет с колена...
Он, красногалстучник-стрелок,
Готов бить Чемберлена.

Его взгляд тверд. В его руках
Винтовка крепко стиснута.
Напрягся он... И спуск курка,
И слышны звуки выстрела...

Деткор *Б. Кемун*

Тверь, Бассейная, 32.

Погоди,
Мы сорвем эту маску,
Мы раскроем лицо тебе!
Знай,
Для жизни осталось мало
Акул
Житейских вод.
Уже
Подает сигналы
Наш
Строящийся
Пароход!

Деткор *Яша Хелемский*. Киев

СЕГОДНЯ В ПИОНЕРЕ

„Чудное явление“ — Замчалов;
„Звено Буденный“ — Камбердиев;
„Что мне делать с моим сыном“;
„Деткиры о колхозах“; „Лагерь в
новой жизни“; „Мы в социалисти-
ческом городе“; „С киной в ла-
герь“; „Жизнь на трибуне“ — Кас-
нель; „Поэт пролетарской револю-
ции“ — Брик; „Детство Маяков-
ского“ — Маяковская; „Дневник
Маяковского“; „Работа Маяков-
ского“.

РАПОРТ МИЛЛИОНОВ

К съезду деткоров со всех кон-
цов Советского Союза поступает
рапорт пионерских отрядов. Эти
рапорты, поступившие на имя
ЦБ ЮП, будут соединены в один
рапорт, который от имени пионе-
ров СССР будет зачитан на между-
народном слете в Галле.

БАЛЛАДА О ПАРОХОДЕ И НЕНАВИСТИ

По перевалам истории
(Взгляд,
Как копьё, забрось)
Долго, как шапки по морю,
Люди плавали врозь...
И только у нас на диво
(Все уж который год?!)
Люди
Одним коллективом
Строят
Один пароход!
Работа без передышки,
Жизнь пылает в огне,
Но есть и у нас
Людишки,
Которые
В стороне...
Им главное — свои крохи,
Они свою шлюпку ведут...
Такому плавать
На эпохи,
Ему
Чтоб цветочный уют.
У него аргументик веский —
Заграждение из бумаги...
И за ситцевой занавеской
Вырастает свирепый враг.
Он успел паразитом вцепиться

И подтачивает каркас,
Из уклонов,
Из оппозиций
Он лицо свое кажет подчас.
И верит он,
Что снова
(Все пойдет по путям былым,
И к такому вот
Мое слово
И ненависть
Вот к таким!
— Эй, послушай,
Мы строим,
Возводим,
Вырастают гудя корпуса,
Мы поем о большом пароходе!
Но тебе этот гуд не угоден
И работ не нужны
Голоса.
У тебя на душе иное,
Но тебе
Не найти дорог —
Ненависть злую
Давно я
Для тебя, как и все, сберег!
Ты беднеешь...
Глядишь с опаской...
Ты опять свой билет суешь...

Пионерская агитгруппа в Австрии

ЧУДЕСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

(Окончание)

Рассказ А. ЗАМЧАЛОВА
Рисунки Д. ШМАРИНОВА

ДОМА еще не было никого, кроме отца. Отец слез с печки, выбрался во двор и грелся на солнышке. Митька пристал было к нему: — Тятя, скажи что-нибудь. Ты же большой. Как мне теперь? Если бы я большой был, я бы все знал.

Но отец ничего ему не мог посоветовать.

— погоди, сынок, надо обдумать. Так нельзя. Знаешь? Поспешишь — курей насмешишь.

— Да, погоди, погоди! Сколько уж я годил.

— Ну, что же теперь сделаешь? Кабы мы сами хозяева были, а то, видишь, какой я хозяин? Ведь нас шесть человек. Куда мы без него, без деда? На одну пенсию разве мы проживем?

Вернулась из поселка мать, пришла бабушка. С улицы прибежали двое Митькиных братишек и сестренка. Они стали просить, чтобы собирали ужинать. Но деда все еще не было, а без него никогда не ужинали. Уж пригнали коров и стало смеркаться, тогда только он пришел. Сестренка убежала к нему навстречу.

— Дедушка, что ты долго так? Мы есть хотим. Ждали, ждали тебя.

Он отодвинул ее рукой с дороги и молчком прошел в избу. Митька, немного погодя, зашел туда — он сидит без штанов, с опущенной головой. Посидел так, поднял голову, увидал Митьку.

— Ну, чего надо? Марш на улицу!

— Бабушка сказала — сейчас ужинать.

— Ужинать...

Надел поскорее штаны и сам вышел во двор. Постоял там немного, вернулся в избу. Присел на лавку, чуть посидел, встал, начал ходить из угла в угол. Потом опять вышел и опять вернулся.

Митька смотрел на него и думал: „Что это он, как сбесился“. Сели ужинать, он ничего не ест.

— Ой, что это ты? — удивилась бабушка. — Сроду так ел хорошо, а теперь не хочешь.

— Не знаю. Живот чтой-то заболел.

— Вредного, наверно, чего съел.

— Должно быть, что так.

Сразу после ужина он велел стлать постель и лег спать. Из-за него и другим пришлось улечься рано.

Митька с обоими братишками спал в передней избе. В этот вечер он долго не мог заснуть. Сперва потому, что не время было, а потом раздумался про деда: что бы такое сделать, чтобы он согласился? Но как он ни ломал голову, придумать ему ничего не удалось.

Дед тоже не спал. Все время слышно было, как он ворочается, сопит, тяжело вздыхает. Кровать под ним скрипела и, должно быть, бабушке тоже мешало спать. Она раза три спрашивала: — Что, болит? Порет? Надо бы к Ивановне схолить, она бы враз сняла.

Ночью Митька проснулся — они шепчутся. Дед наверно рассказывал что-нибудь страшное, потому что бабушка охала: — Господи сусе христе, страсти-то какие! Осподи сусе христе.

Уж сквозь сон Митька слышал, как дед сказал: — Пойду еще к батюшке завтра, что он скажет?

— Сходи, сходи. У меня там двенадцать ящ есть. Возьми их и ступай.

Утром он с узелком отправился к попу. Вернулся оттуда хмурым. Митька в щелочку из задней избы слышал, как бабушка его спросила: — Ну что, как?

— Как? Питимью наложил. Сорок поклонов утром и вечером. Да пост: кроме хлеба сводой — ничего. Да через день на озеро ходить. Пока не перестанет являться нечисть, до тех пор не смет. Хотел молебен служить, да я пока отказался. Где я ему денег возьму?

Митька побежал к Сергею. — С нашим дедом случилось что-то. Сам не свой ходит. Поп велел ему по сорок поклонов делать, поститься да на озеро зачем-то через день ходить.

— Правда?

— Ей-богу!

— Брось ты бояться. Лучше скажи: с места не сойти. А то — ей-богу. А когда он теперь на озеро пойдет?

— Я не знаю. Завтра наверно. Вчера, вель, он ходил. Давай поглядим, что он там будет делать?

— Нет, не надо. Он наверно молиться будет, а мы смотреть будем.

— А пионерам нельзя разве?

— Ну да, нельзя. Зачем смотреть на всякие глупости?

Два дня дед ел хлеб с водой. Вечером и утром он подолгу молился и клал по сорок поклонов. А ночью Митька слышал, что он ворочается, кричит и вздыхает.

Во вторник к вечеру он оделся, как в церковь, и отправился на озеро. Митька во дворе тесал

Семен Петрович затрясся весь и упал на колени.

— Слышу, слышу, — забормотал он в беспомощности.

— Гордости в тебе много... Непослушания... А веры мало.

— Господи Прости ты меня, дурака старого. Сам не знаю, что делаю.

— Вижу, что ты не знаешь. И за это прошу тебя. Так уж и быть... Встань и иди к берегу. Не бойся. Иди. Что увидишь, помни — это знак мой тебе...

— Господи, а что мне с лодкой делать?

З В Е Н О

Надежда Константиновна вступилый возмела, что это слова «я» употребляют

„Я“

КОГДА Катюша, бесценный отрядный секретарь, делая переключку, ходит до фамилии „Буденный“, — в воздухе четко раздается уверенный голос: — Я.

Вы не думайте, что Семен Михайлович Буденный, вояка РККА, надел трусики, наизава поделки галстук и записался в отряд или что это саочуверенное, твердое „я“ говорит какой-нибудь пионер.

Ничего подобного.

Если вызывается стоящий в строю „Буденный“ — значит десяток пионеров З звена в один голос отвечают — „Я“.

Считается за одною и присовоит себе славному имя Буденного звена разрешит совет отряда после того, как оно подало такое заявление: „В совет X отряда от звена „Буденовцы“

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сегодняшнего дня мы, пионеры звена „Буденовцы“, решили снять все наши интересы и вообще быть как один человек. А так как один человек во множественном виде существовать не может (за это поручится наш учитель по русскому языку Александр Константинович), то своим названию „Буденовцы“ переименуем на „Буденный“.

От своих старых фамилий отказываемся и просим вычеркнуть их из списка, вписав вместо них наше общее имя.

Подписали:

Прежде — З звено — „Буденовцы“, теперь просто „Буденный“.

И действительно с тех пор ребята совсем переменились. Друг от друга ни шагу.

В школу приходят без опозданий, все в одно время, минута в минуту.

На перемене соберутся, возмущены дружно за руки, образуют кольцо и начинают какую-либо игру.

Но ответа на это Семен Петрович не получил. Больше он не услышал ни одного слова.

Когда он прошел к озеру, лодка была у самого берега, между камышей. Как и в прошлые разы, она неровно покачивалась и медленно двигалась против ветра. Но теперь Семен Петрович не боялся ее. Он знал, что это от бога, а бог уже простил его. Что бы ни случилось — не страшно. Он разоделся, влез в воду и смело подошел к лодке. Начал переворачивать ее, она — как прилпавшая к воде. Последнему перевернул. Перевернул, смотрит — над ней Миткина голова торчит из воды.

— Ты чего тут делаешь? — И не знаю.

— Как не знаешь? Зачем ты сюда лезешь? — Мне вленькая один велед.

— Какой дьянька? — Не знаю, он не наш, странный, должно быть.

— Странный? А какой он из себя? — С бородой. Одежда на нем чудная какая-то и не голый, и ничего будто нет на нем.

— Семен Петрович и заплакал и засмеялся сразу. Он подошел к Митьке, обхватил его голову мокрыми руками и поцеловал его.

— Ну, вылезай да пойдём домой. Я веляю матери завтра вареников наварить с вишней. Ты любишь их?

— Люблю.

— Ну, вот и хорошо.

Он увидел на лодке обрывок цепи и опять прослезился.

— А лодка-то наша. Моя лодка. И цепочку оборвал — господи, господи! Истинно: скажешь горе, чтобы плакала, и пойдет.

— Вместе с Митькой они отвели лодку на место и пошли домой. Дорогой Семен Петрович спросил Митьку:

— А где ты увидел этого человека? Как он сказал тебе?

— Я пошел купаться. Не шло, а в другом месте. А он встретил меня. Подошел и говорит: „Не ходи туда. Ступай юн туда, за лесок. Там ты увидишь промек камышей лодку. Она вверх дном опрокинута. Залезай под нее и сиди“. Я говорю: „Не пойду я туда, тут лучше“.

Он как дивинется ко мне: „Ступай, тебе говорит“.

— „А что ты мне сделаешь, если я не пойду?“ — „Сделаю так, что ты, как стоишь на этом месте, так и померешь тут“. Я испугался и пошел.

Семен Петрович, пока Митька рассказывал, кивал головой, подакивал и бормотал:

— Так, так. Сказано: не противься злу, а я противлялся.

Когда Митька кончил, он сказал:

— Вот что, Ты хотел в эти, пионеры, записываться. Так ты записывайся, а ничего не скажу.

— Правда, дедушка? Можно да?

— Раз говорю можно, значит можно.

В селе они разошлись. Митька пошел домой, а Семен Петрович к попу, рассказывать о чудесном явлении ему господа.

★

От попа он возвращался, как на крыльях. От всех его близкой не осталось и следа. Он как-то быстро пошел лет на сорок. Походка у него была легкая, прыгающая. Он даже насмивался.

В сенях он остановился в задней избе слышны были голоса и смех. Дверь была приотворена. Он на цыпочках подошел к самому косяку и прислушался. Митькин голос говорил:

— А я ничего не знал. Когда он подал мне туда и велел лезть под лодку, я думал, они хотят поглотить мою ной.

— Я ему говорю: лезь, а он боится, — сказал Сергеев.

— Да где бы, когда вы ничего не объяснили мне. Когда ты рассказывал мне все про деда и как надо говорить ему, я сразу пошел.

— Мы нарочно не хотели говорить тебе. Боялись, выдашь как-нибудь.

Митькин отец спросил:

— Кто это у вас придумал такую штуку?

— Володя. Он у нас головастый, все знает. Первый-то раз мы так просто баловались. Там у лодки цепь в одном месте размыкается. Мы взяли лодку и стали купаться с нее. А он нам показал: ее если приподнять всю и сразу бросить на воду вверх дном, то под ней воздухом много собирается. Тогда под ней можно одной рукой держаться за лавочки, а другой грести. И дышать можно. Пока мы так плавали, Володя выбежал на берег и увидел деда. Тут он сразу и придумал все. Он же и за бога был. Оплел себя всего ветками, листьями, — мы, на что знали, и то не могли увидеть его на дереве.

Семен Петрович рванулся было с места, чтобы бурей влететь в избу. Но тут заговорил Митькин отец, Иван, самый ненавистный из всех сыновей Семена Петровича. Он сказал:

— Да...

И закашлялся. У Семена Петровича моментально составилась план: дожидаться, когда он тоже станет насмеяться над ним. Как только он скажет что-нибудь особенно нехорошее, обзовет как-нибудь, влететь и закричать: „Ага, ты так? Вон отсюда!.. Чтобы духу твоего тут не было. И пионеров своих забирай!“

И он, как только Иван прокашлялся, подался вперед, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Да, повторил Иван, — головастый он у вас, этот Володя, да не очень.

— Почему не очень?

— А вот почему. Одного он пионером сделал, а другого... С другим-то что вы сделали, об этом не подумали? Ведь он чуть не помер со страху. Ему семьдесят лет, а вы, паршивцы, заставили его четверо суток дрожать.

Он опять закашлялся. Видно было, что он страшно обозлился. Серега робко спросил:

— А... как же надо было?

Показать, объяснить другим, что никакого бога нет, что можно без него все сделать так, что лучше не надо. А вы сами богом прикрываетесь. Он теперь что подумает, если даже узнает все?

Лодку отвели на место.

„Значит, им нечем крыть, если они меня богом же и взяли“. А не узнает — еще хуже: сам еще больше уверует и другим расскажет про чудо... Эх, вы!

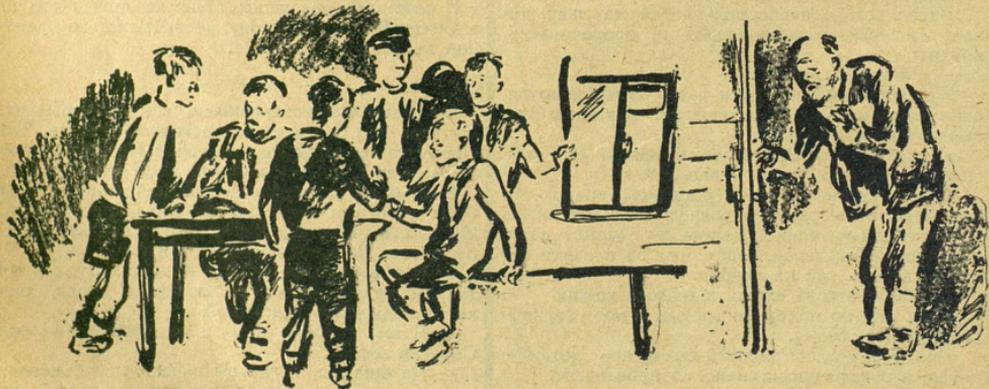
Семен Петрович вместо того, чтобы ворваться в избу, повернулся и тихонько на цыпочках вышел во двор. Широкое, толстое лицо его улыбалось.

„Ишь ты, — думал он, — Ванька-то... Ничего он все-таки. Пожалел отца на старости лет. А я думал!“

К нему подбежала старуха.

— Ну что, опять была?

— Нет, не была. Это так чья-то, пустая была. А стоны мне почудились. Я, мать, думаю этого... Молебен-то не надо служить...

Он на цыпочках подошел к косяку и прислушался.

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ С МОИМ СЫНОМ

ПРОЧЕЛ я письмо Буринина в редакцию „Пионера“ в № 4 нашего журнала и, конечно, пожалел его, пожалел, что отец так плохо к нему относится. Побоями и руганью ничего не добьешься. Но не все отцы такие. Например, я своего сына никогда не бью и не ругаю нехорошими словами. А что я вижу в ответ? Ничего хорошего, несмотря на то, что ему уже 15 лет, он пионер и кончает в этом году семилетку. Учится он и ведет себя в классе плохо, учителя жалуются, что на их замечания отвечает дерзостями. Дома бывает только, когда рисует и пишет стенгазету; тогда к нему не подходи, меньшего брата прогоняет ударами ноги!

Обедать приходит не во время, проглотит наскоро кусок и бежит в красный уголок, в кино, на физкультуру и еще куда-то. Когда спросишь: „куда идешь?“ Отвечает: „туда“, спросишь: „что делаешь?“ — „ничего“, спросишь: „когда вернешься?“ — „не знаю“. А возвращается поздно почти каждый день: то в 11 ч., то в 12 ч., а недавно даже вернулся в 1½ ночи.

Дверь на крючке, стучит в нее на весь дом каблук. Ложимся мы в 10 ч. спать: ведь, на работу нужно вставать в 6 ч. утра. За день измощаешься ужас как. От стука просыпаешься и идешь по холодному полу открывать дверь. А потом часа два — бессонница. Прислуги у нас нет, и потому жена весь день хлопочет по хозяйству; я и младший сын помогаем, что можем (посуду вымоем и подметем). А наш пионер даже свою кровать утром постелить не хочет, в школу бежит.

Хорошо ли он себя ведет? Как вы думаете? Посоветуйте мне, дорогая редакция, что мне делать с моим сыном, как дать ему понять, что нельзя смотреть на отца, только как на лакея и машину для зарабатывания денег, на мать, — только как на кухарку, прачку и т. д., а на младшего брата, — как на собачонку, заслуживающую только грубого слова или пинка ноги.

Отец *Николаенко А. П.*

Кичкас. Днепрострой,
пос. № 4, д. № 2.

ОТ РЕДАКЦИИ: редакция посылит пионеров помочь отцу Николаенко и, обсудив у себя на совете отряда вопрос о его сыне, прислать свои предложения в редакцию.

ПРОШУ СОВЕТА

Дорогая редакция! Я хотя и мало читаю „Пионера“, но все-таки думаю, что вы можете дать мне хороший и дельный совет. Дело идет о моем

отце. Отец пьет ежедневно, почти не просыпаясь. Семья наша состоит из 7 чел. Отец получает пенсии 13 руб. и 18 руб. за квартиры в месяц. Дом у нас свой. Но эти 31 руб. не все уходят на нужды семьи: 5-6 руб. в месяц ему нужно пропить обязательно. Мама выбивается из последних сил, чтобы нас прокормить и хоть немного обуть и одеть. Иногда мама ходит к поезду с молочными продуктами, яйцами, а летом — с помидорами и др. овощами. Кур у нас немного водится и есть маленькая корова, но и это немногое приходится продавать, чтобы приобрести одежду или обувь.

В последнее время мама стала плохо себя чувствовать. Может быть, ляжет в больницу. И тогда я не представляю, что будет с нами. Отец просто искалечит нас.

Теперь я скажу об отце. Если у него нет своих денег, то он у кого-нибудь выпросит. Пьяный приходил домой или еще приводил с собой таких же товарищей и устраивал пьянку. Он старается придаться ко всякой мелочи, драл за уши ребят, колотил по чем попало и чем попало, не оставляя в покое даже грудного ребенка, издевался, хватал его за ручки, уши, тербил за волосы, бил по голове. Выражался самыми безобразными словами. Бьет нас, и это называет воспитанием.

„Натешившись“ с ребятами, он уходил в другую комнату и начинал бить, ломать, что попало ему в руки. Мама, конечно, ему не давала этого делать, получая за это побои. Вообще-то синяки с тела мамы никогда не сходят. Все эти разрушения он делал, чтобы больше расстроить маму, больше подразнить. „Если ты сейчас же мне не достанешь вина (хотя времени было часов 10-11, когда все лавки закрыты), то я все изломаю, того и этого не будет“, наступал он на меня. Издевался он, как мог, часов с 12 или даже с самого утра, не давая ничего делать, и до 12 и 1 часу ночи не спал и спать не давал маме.

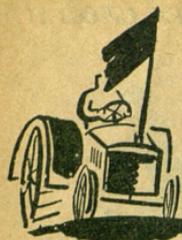
Постоянные тычки и пинки как мне, так и ребятам приходится выносить как обычное явление. Меня он, например, побил один раз за то, что я его назвала пьяным. Тогда он насадил мне синяков и порвал белье, выгоняя из дома ночью. Я взяла свои слова обратно, и тогда он пустил меня спать.

Например, он придирается ко мне за то, что когда я мою посуду, то стучу ею как-нибудь, „не-

(Окончание на 11 стр.)

ДЕТКОРЫ

О КОЛХОЗАХ

КОГДА в начале этого года мощная волна коллективизации прокатилась по стране, то очень многими местными работниками были допущены ошибки, перегибы. От успехов у них закружилась голова, и, вместо того, чтобы убедить крестьян в том, что они должны вступать в колхоз, что в колхозе им будет легче жить, что без коллективизации не будет социализма, — эти горе-коллективизаторы загоняли крестьян в колхоз насильно. Очень часто во главе колхоза оказывались кулаки и так «работали», что колхозы разваливались. Вот о таком случае кулацкой работы рассказывает нам деткор Пантюхин из деревни Гридино.

КОЗЛЫ В ОГОРОДЕ

У нас в деревне Гридино организовался колхоз. Коллективизировалась только часть деревни. Понабрались тула самогонщики, взяточники, пьяницы. Председателем колхоза выбрали сына тракторщика — тоже пьяницу.

Одним словом — чуждый элемент.

Пойдут эти колхозники косить траву в 4 часа, а начнут косить в 7-8 часов: у одного просидят час, у другого час... А после косы начинают выпивать. Бабы идут картошку рыть — и тоже с собой водки берут.

Учет работы совсем не велся. Председатель говорит: «Бумаги не было, не на чем было писать».

Чуть ли не каждый день приезжали к нам фабкомовцы из Шувойской фабрики. Собирали собранья и говорили, чтоб все гридинские крестьяне вступали в колхоз. Но наши мужики видели, как работают илхозники, и не хотели итти в колхоз. Тогда председатель фабкома говорил:

— Все должны вступать в колхоз в обязательном порядке. А кто не войдет — примем меры: выключим из списков бедноты и не дадим хлеба!

Как сказал, так и сделал.

А яростней всех обрушился на крестьян Ефим Менетов, этот мужик-кощей. Страшный такой. Когда хо-

дит, шею вытягивает, как гусь. Его так и зовут «Тера».

Так вот он всегда кричал:

— Кто не войдет в колхоз, того мы сожжем в кулак. Земли ему дадим самой плохой, за шесть километров от дома. Ссылать будем вместе с лишенцами! Хлеба не дадим! Волей-неволей придется в колхоз!

Крестьяне слушали, понуриив головы, у всех волосы становились дыбом, но в колхоз не шли.

Потом правление колхоза административным порядком закрыло часовню.

Я не знаю, что было бы дальше, если бы не статья Сталина «Головокружение от успехов». После этой статьи злостные перегибщики были привлечены к ответственности, а классовые враги исключены из колхоза.

Егорьевский р-н, Московская обл.

Деткор Пантюхин, дер. Гридино

О подобных же перегибах нам деткор Паршин из деревни Банново, Воронежской губ.

ТОРГОВЕЦ В «ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ»

Наш банновский колхоз назывался «Путь к социализму», а организовал его бывший торговец, который пролез в партию. Он раньше торговал мануфактурой.

Устав говорит, что колхоз должен быть организован на добровольных началах. А наш организатор загонял в колхоз с винтовкой.

Правление колхоза стало раскулачивать малоименных середняков, которые не вступали в колхоз. Вот какие беспорядки заметил я в нашем колхозе.

Ну, а теперь все по другому. Кулака-председателя, того самого, который преследовал бедняков, помогал кулакам и вместе с ними пытался развалить колхоз, раскулачили и посадили в тюрьму. И теперь колхоз у нас организовывается на добровольных началах.

В селе Никитском, Курского окр., кулаки действовали исподтишка. Деткор Грибанов так рассказывает про свой колхоз.

НЕ ВЫГОРЕЛО

У нас в селе Никитском организовался колхоз «Свой труд». Сначала записались все крестьяне. Но тут стали распускать всякие слухи — говорили, колхозникам будут номера и печати ставить и будут голодом морить... А кто говорил — неизвестно. Но только, в результате, почти все выписались из колхоза. Осталось всего во-

Сын тракторщика — тоже пьяница.

семь дворов. Ну, не испугались, работали как следует. Весной все сразу выехали пахать и сеять. Пахали плугами-культураторами. Бороны у нас тоже не простые, а зигзагами. И сеяли не горстью, как одиноличники, а сеялкой. Ну уж и рожь была хороша!

Подошла страдная пора — косили рожь машиной. Откосились не позже других, а еще раньше. Рожь делили колнами, и каждый к себе возил. Работали все вместе и хлеб разделили по душам.

Крестьяне посмотрели, как мы работаем. Видят — никаких песочек не припечатывают, а хлеба у нас оказалось больше, чем у них. Наплевали они на все кулацкие басни и осенью все присоединились к нам. Под зябь пахали уже собоша, всем селом.

Как ни старались кулаки развалить колхоз, а их дело не выгорело.

Часто наши колхозы никак не могут стать твердо на ноги. Урожаи плохие, хозяйство слабое. Хотели бы колхозники наладить дело, поправить хозяйство, а не знают, как. Нехватает у нас хорошего крепкого руководства.

Вот что пишет нам деткор Донцов из села Боронина, Курского округа, о колхозе, которым руководил совхоз, и о колхозе, которым никто не руководил.

ДВА КОЛХОЗА

Наши колхозники всегда работали на трехполке. А в совхозе, который рядом, введено восьмиполье. Когда совхоз переходил на восьмиполье, крестьяне смеялись над этим. А потом, когда увидели, что при восьмиполье урожай лучше, и сами перешли на восьмиполье.

Приколил в наш колхоз агроном, разъясняя, что землю надо удобрять минералами. Наши мужики как-то этому не доверяли. «Как это от известки земля будет рожать лучше!» А пошли в совхоз и убедились, что от минеральных удобрений действительно урожай лучше. И сами стали применять эти удобрения.

По примеру совхоза, посеяли рожь рядовой сеялкой, — хороша вышла рожь. Научил их совхоз делать питомники. сажать фруктовые деревья. И все работы наши колхозники стали выполнять по указанию совхоза, и хозяйство у нас окрепло, а урожай стали на-ять!

А эти вредители, вместо того чтобы косить, все время пили горькую.

Мужик-кащей зану гивал крестьян.

А вот в другом селе тоже организовался колхоз. Но там нет совхоза и колхозники не знали, как правильно посеять, как вести хозяйство. И у них ничего не вышло. Посеянное возшло плохо, хлеба было мало. И хозяйство тоже слабое, не доходное. Работают много, а толку нет. А все это потому, что некому им объяснить, как надо коллективом обрабатывать землю и вести хозяйство.

★

Теперь у нас в СССР объединяются уже не только одиноличники, но и целые колхозы, потому что, чем крупнее хозяйство, тем легче работать и выгоднее вести хозяйство. Живым примером может служить письмо деткора Костюшина из Уманского округа.

„ДРУЖНО—НЕ ГРУЗНО, А ВРОЗЬ—ХОТЬ БРОСЬ“

Есть у нас на Кубани хутор Веселый. В нем шесть маленьких колхозов, семей по 10 в каждом и гектаров по 150 земли.

Трудно было работать этим колхозникам. Те машины, которые у них были, использовались недостаточно. Например, трактор может вспахать 200 - 250 га земли, а у них он пашет 100, потому что у них помалу земли. А сеялки, сноповязалки, молотилки еще меньше использовывались.

Правления в колхозах работали плохо. Да и немудрено. Ведь из десяти человек трудно найти хорошего организатора, да и не всякий идет. Дело доходило до того, что в некоторых колхозах в председатели избиралось по очереди. При таком руководстве получалось не хозяйство, а бесхозяйственность.

Видят колхозники—дело не ладно. Думали-думали — в чем же корень зла? И поняли, что потому у них дело не ладится, что очень мелки их колхозы.

— А не объединиться ли нам? — стали поговаривать колхозники.

А сельхозартель „Вольная“ и товарищество „Свободный гражданин“ долго раздумывать не стали — взяли и объединились. На них глядя, слились и остальные четыре колхоза. А в нынешнем году, к осени, эти два объединения хотят соединиться в один большой колхоз, на 10 тысячах гектаров земли.

И теперь колхозники уже увидели, что, чем крупнее колхоз, тем больше сил и средств, тем легче работать и тем скорее мы придем к социализму.

ЛАГЕРЬ В „НО

1. В колхоз „Новая Жизнь“

ПОЕЗД.
Перестук... Перерывчик... Перестук стук... Перерывчик-прим-г 60 километров от Москвы. Поезд далеко поведи оставил серо-железное облако московской пыли. Из средин вагонов прыгают новые жители, летние переселенцы, пионеры 82 го отряда.

Созвездие ослепительно. Свет солнца ослепляет. Замирлились.

Открыли глаза. Визно зеленые. Виражи лес... Пр...о...о... Звонит... момент. Прохлада ветерок заветлет. Хочется бежать... Работать... Кричать... Петь...
— В цепь, команда!

Длинная жужка цецочка извивается от ягноа до изгороди у вагона.

— Подави жюна!

И по гулаж, как жечи, выпрыгали стручки, лодушки, баулишки, корзинки...
— Стоп, команда! Стройся!

Ваши колхоз „Новая Жизнь“. Тем придется поработать. Сколько несоиданного, радостного и, может быть, печального вперед.

— Да, это был наш первый лагерь в колхозе. Но мы не знали, что в „Новой Жизни“ мы встретим старый быт... вспоминали ребята.

2. Не все то золотое...

«Все, что есть в колхозе, не запишешь в дневник. Я решил вести дневник и хотел описать все, что я вижу в колхозе. Но видел я так много, что всего не запишешь. Был в громадный светлый двор. Еще видел коньбай. Это по моему сельс-охозяйственный аппарат на колесах. Когда он работает, то удивляешься, неужели у этой машины нет мозгов. И как она работает! Как человек! Еще видел я поле и общую столовую, которая находится в маленькой избе одного колхозника. Еще видел то, что не могу описать. Это „то“, что не пишется у не-колхозников. Это — ну, как вписать? — легкое и веселое, радостное настроение у колхозников. Потом я заметил еще различие — это колхозники говорят „мы“, а не-колхозники говорят „я“. Я удивлялся, почему у них не коммуны.

Записывал в дневнике не помню какое числа. Мина».

Я дежурила по детсадовцам, которую организовал наш отряд в колхозе. Из этой детсадовки мы выберем ребят и создадим отряд. Теперь, как говорится, готовы пичку. Я говорила с ребятами. Они мне все рассказывали. Вот что они мне сказали.

ВОЙ ЖИЗНИ“

Сенька Косогов:

— Панаына сказала: „Не холи в пионеры. Осеню нас всех через мелиничу пропустит и на удобрение. Теперь у советской власти удобрений мало“. И не пойду.

Маруся Ивановна:

— В пионеры если теперь записывшись, то обязательно надо вступить в колхоз. А то нас выселят.

И много других, и плохого и хорошего, говорили ребята о пионерах. Колхозники больше вступались. А не-колхозники много говорили против. Конечно, опираться придется на колхозников.

А потом еще нет средств не только для пионерского отряда, но и для работы по детсадовцам. Так работать трудно. Надо готовить на совете отряда. Может быть, или субботник или постановку, или... (вот строчка в дневнике не дописана). Это дневник пионерки Соли Бонко.

— А говорит, долой эксплоатацию...
— Нашли себе дурачков. Кому забота, а кому прибавка...

— В колхозе и так душ много. Нам бы помощи. Мы — бедняки.

Такие разговоры слышала мы все, когда наша ягноа шла на работу на колхозные поля.

После работы на полях часть ягноа забастовала. Весь спор вышел из-за этого: Динка сказала, что не колхозникам мы тоже должны помогать. А большинство ягноа говорило: „Нет, только колхозу. А если им трудно, то пусть вступают в колхоз“. Много мы спорили, но наши „дабастовщики“ ни за что не хотели с нами согласиться. На совете отряда все согласились, что большинство было не право. Мы должны помогать крестьянским-беднякам и не-колхозникам. Но наша помощь, конечно, должна быть такая, чтобы эти бедняки помнили, что в колхозе лучше.

И правда, не помнюши, ведь эти бедняки, что они еще не поняли хорошо, что такое колхоз. А мы помнили и должны им рассказать. Это задача нашего „Эго ягноа на далекие времена“.

Я вот уже год работаю председателем совета отряда. Но никогда не знал, что могу быть в таком положении.

Он. Вчера пришла и нам дочь кулака. Он вышел набирать денег прав. Она захотела уйти от родителей и просить,

чтобы мы ее взяли в отряд или приняли в колхоз. Мы все уместе, — сказала она. — Вы все знаете, а вот я никак не знаю, как мне быть“. Тогда совет отряда решил поговорить с проведением колхоза и поставить там этот вопрос. А ее взять под особый контроль.

3. Лагерь в „Новой Жизни“

Тысячами мелких производственных ителей был связан лагерь и колхоз. Ребята, как крошки, копались и в этой жизни, помогали колхозу, выискали положение и агитировали за колхоз. Ребята организовали специальную утюжок колхоза. Вот отсюда утюжок:

1. Что носили не-колхозник.
2. Что носил колхоз.
3. Что есть у самогонщика и чего нет в колхозе (здесь были изображены: нищета, голод, пьянка и т. д.).
4. Что есть в колхозе и чего нет у самогонщика (общественная столовая, ясны, трактор, коньбай и др.).
5. Чем питается колхозник и не-колхозник (мелко).
6. Как улучшается жизнь колхозника.

7. Где нам лучше (отдал животноводства, скотоводства, птицеводства).
8. Сколько часов работали колхозники на полях раньше (когда были еще не-колхозники) и сколько им приходится работать теперь.

9. Кто колхозный враг колхоза (типичные кулаки, дожные слухи и т. д.).
10. Буржуазия о колхозах (вырезки и репродукции на газет).

11. Колхозные движения в СССР (пятилетки, альбомы, вырезки и т. д.).
12. Чем наш лагерь помог колхозу.

★

„Готовь сани летом, а телегу — зимой“, так говорится в пословице. Поэтому и сейчас, прежде чем выехать в лагерь, надо подумать, наметить, что там можно простить.

Прежде чем создать такой утюжок, надо подумать и поработать, все узнать, со всем ознакомиться. В колхозе заранее распределять работу в отряде между звеньями и ребятами.

Конкурс читателей журнала «Пионер»
«Как нам жить?»

Стенографический отчет конкурсной комиссии

ЗАПИСЫВАЛА стенографистка Нина Семашко.
Литературная обработка стенограммы Миш и Дорина.
Председ-тель конкурсной комиссии. Товарищи, за истекший период к нам поступили на отзыв новые проекты по построению социалистических городов. Нам придется зачитать все проекты и рассмотреть планы, которые присланы ребятами.

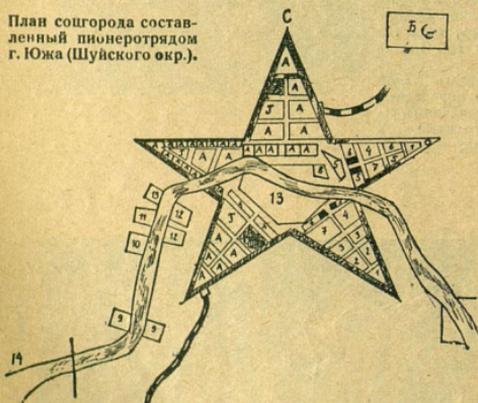
Слово предоставляется секретарю конкурсной комиссии для чтения проектов.

Секретарь конкурсной комиссии (читает). Проект детгородка Яши Холемского, отряд ЮП при химзаводе им. Свердлова, гор. Киев.

1. Строить надо начать теперь

На ряду с примусным, закопченным бытом зарождается новый социалистический быт в образе прекрасных зеленых городов. День за днем завоевывается будущее. На Урале, на Дюбассе, в Сталинграде, по крупным колхозам произведена закладка новых городов. И в этих городах уже по-новому нужно организовывать жизнь ребят. Детгородки нужно начать строить теперь, чтобы на этом примере вся страна, весь мир поняли, как нужно воспитывать новых людей.

План детгородка составленный пионеротрядом г. Южа (Шуйского окр.).

А — Рабочие кварталы.	6 — Детплощадка.
Б — Советская «Газонер».	7 — Пионерский клуб.
В — Спортплощадка.	8 — Маткив Лесизву.
Г — Рабочие клубы.	9 — Электростанция.
1 — Научная школа астрономии.	10 — Бумагопридальная ф-ка.
2 — Школа II ст.	11 — Кривлянов.
3 — « I ст.	12 — Ковалев.
4 — Производственные корпуса.	13 — Тестивальная ф-ка.
5 — Ясли.	14 — Агера.

2. Цель воспитания — дать нового человека, крепкого, стойкого, здорового, выдержанного коллективиста с многосторонними навыками и знаниями, всесторонне развитого большевика.

3. Где жить? Ребята должны жить в коллективе. Для ребят младшего возраста при домах-коммунах, при жилищных районах должны существовать «коммуны». Школьный городок должен занимать огромное пространство, он должен развиваться во всю ширь. Помещения должны быть большие, просторные, со стенами из ультрафиолетового стекла, которое пропускает живительные лучи солнца; тогда ребята не будут чахнуть.

4. Детская коммуна. Коммунка — при доме-коммуны. Ей отводится лучшее помещение, с оленчатой стороны, окна к югу и т. д. Нужен хороший обслуживающий штат, достаточное количество нянь, уход, чистота, питание. Коммунка делится на 2 части:

1) если;
2) коммунка дошколят с рациональным распорядком дня. Нужен садик, огород, чтобы ребята сами его возделывали. Дошколят нужно связать с окружающей жизнью путем экскурсий. Работа должна строиться по примеру октябрят. Один раз в день дошколята видятся с родителями, но родители должны знать, как себя вести.

5. Как привлекать взрослых. При каждом предприятии при каждом учреждении должна существовать «ячейка воспитания ребят». Члены ячейки — взрослые. Ручкой ит группой инициативное бюро, которое организует экскурсии к детям, проводит лекции опытных детработников и т. д.

6. Школьный городок объединяет ребят школьного возраста. Школьный городок должен иметь следующие части: 1) интернат (общешите); 2) учебный корпус; 3) производственный корпус; 4) клуб; 5) медицинская амбулатория, 6) спортплощадка.

7. Интернат основан на хорошем уходе, точном порядке аия, гигиене. Ребята должны привыкать к самостоятельности. Всюду дежурства самих ребят под надзором взрослых. В интернате — помещения для сна, столовые, комнаты для отдыха и т. д.

8. Учебный корпус. В нем ряд классов. Вся учеба ведется в лаборатории, где ребята сами участвуют в производственных опытах. В учебном корпусе необходим лекционный зал с хорошей киноаппаратурой. Тогда ребята, например, изучая дальнюю область, тут же просматривают на эту тему картину. Учебников должно быть немного. Забуржжа должна уступить место живому восприятию в лабораториях. Книги должны иметь только лишь то, что в жизни нельзя увидеть или узнать. Книги, учебники находятся в большой универсальной библиотеке при школьном городке.

9. Производственный корпус. Это ряд хорошо оборудованных мастерских. В известные часы ребята в этих мастерских получают трудовые навыки. Кроме того, необходимы частые экскурсии на ближайшие предприятия и практика на этих предприятиях.

10. Клуб и общественная работа. Клуб — центр общественной жизни. К тому времени пионерорганизации, как таковой, не будет. Все ребята будут пионеры. Пионерская работа должна быть слитая с работой всего школьного городка. Общественная работа должна развернуться далеко

С КНИГОЙ В ЛАГЕРЯ

ПОСЛЕ того как бригады школьников и пионеров сами посильно участвовали в работах по организации нового труда и быта в деревне, невозможно стало прежнее отношение к лагерной жизни, как к дачному ничегонеделанию.

Бывало, к лагерям перетряхивалось книжное барахло и в походный сундук закидывалось поспешно все: учебник географии царской России, разрозненное приложение к журналу «Нива» довоенного времени и др. книжные редкости, в надежде, что они могут внести «как-нибудь свет» в некультурное закладустье.

Эта литература освещала исправно нос и усы курлышка, свернувшего из нее цыгарку.

Сейчас деревню взбудоражило волной новой жизни, она жлет от города ответа на гжучие для нее вопросы политики сегодняшнего дня.

Берите с собой книжку о вопросах колхозного движения — Сталин И., «Головокружение от успехов» с приложением «примерного устава сельскохозяйственной артели». Распространяя эту книжку, устраивая громкие читки, беседы, по ней вы не только поможете деревне, но через нее приучите вообще искать ответ на большие вопросы в печатном слове, т. е. приучите к книге.

Такое же значение имеют книжки: Ворошилов, «Будет ли война»; Кржижановский, «Как мы строим социализм» (основные вопросы пятилетки); Калманович, «Зерновые фабрики». Все это госиздатские «книжки-копейки», т. е. которые стоят только по 1 коп.

Следующий, наиболее интересный деревне вопрос — новые способы культурного ведения сельского хозяйства.

Захватите серию библиотечки журнала «Юный натуралист», изд. «Молодая Гвардия». Здесь в 25 книжках говорится о куль-

турном животноводстве, огородничестве, хлопководстве и т. д., т. е. о сельскохозяйственных культурах, применимых в той или иной области.

Каждая брошюрка в 10–12 стр., конечно, не может дать исчерпывающих указаний, но она поможет ребятам быть застрельщиками в вопросе о новых формах и методах хозяйства.

Стоимость целой библиотечки около 70 коп. Очень хорошо написана только что выпущенная Госиздатом книжка о садоводстве: Кривоносов З. А., «Игнатов сад», составлена коллективом педагогов-краеведов, 1930, ц. 40 коп. Она построена, как рассказ — о работе маленького коллектива ребят и взрослых в результате закончившейся образованием большой артели садоводства. Эту книжку очень рекомендуем для работ с деревенскими ребятами, особенно в колхозе, где возможно садоводство. При умелом руководстве ребята очень могут пригодиться в колхозном садоводстве.

Организация лагеря

Основное пособие по проведению лагерей, рекомендованное ЦБ ЮП — это книжка Р-йхруда М., «Пионерский лагерь», изд. «Молодая Гвардия», 1929, ц. 1 р. 20 коп. Нужно только принять во внимание, что за истекший год многое изменилось в постановке лагерной жизни. Читая эту книгу, нужно учитывать, что она в некоторых вопросах уже устарела.

То же самое нужно сказать о выпущенной в 1929 г. подвижной технической хрестоматии, «Лагерь и площадка», изд-во «Молодая Гвардия», ц. 90 коп. Пользоваться ими можно, более новых, хороших пособий по лагерной работе пока нет.

В виду большого спроса на новую хорошую песню, не плохо познакомиться перед лагерями со сборником «Песни дальневосточной армии», где помещены стихи наших поэтов: Безыменского, Кирсанова и др., написанные ими на конкурс песен. Жаль, что песни напечатаны Госиздатом без нот. Стоит этот сборничек 7 коп.

РЕБУСЫ

В. МАЯКОВСКИЙ

Он сделался рупором величайшего общественного движения, когда от имени миллионов, о судьбах миллионов он стал говорить миллионам.

Прислушайтесь к звуку его песен. Вы нигде не найдете ни малейшей фальши, ни малейшего колебания. Почти перед самой смертью во весь голос он заявляет о своей верности великому делу, которому он посвятил свою жизнь и свой огромный талант.

Маяковский — наш, Маяковский — пролетарский поэт. Маяковский — поэт того будущего, которое мы строим и за которое мы боремся.

А. Луначарский

ЖИЗНЬ НА ТРИБУНЕ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ осажден. Трещат барьеры. Очереди смяты. Взмахнувший администратор лысой кукушкой ускользает в захлопнувшееся окошечко. Милиция просит „очистить“... Стекла зудят. Всклипывают пружины дверей. Гам.

Владимир Владимирович сам еле продрался. Как сказал писатель Шкловский, Маяковский прошел сквозь толпу, как проходит сквозь снег горячий утюг. Он роздал вчера, сегодня, сейчас десятки контромарок, пропусков. Больше нет. Он оскудел. Зал переполнен. Перворядная публика ропщет: сидят в проходах, на ступеньках. Пожарная охрана, где ты? Больше ни одного пропуска. Твердо и определенно. Маленькая закулисная комната задавлена расхаживанием Маяковского. Комнатка теснит его. Владимир Владимирович сторонит широкие плечи.

По лестнице подымается шум осады.

Ма-я-ков-ский! Про-пу-сти-те!

Владимир Владимирович почти сконфуженно говорит мне:

— Кассильчик, пожалуйста... Спуститесь к администратору. Мне уж совестно. Там пришли комсомольцы. Кружковцы. Я им обещал. Пусть пропустят пять человек. Скажите последние. Ну, ладно, заодно — восемь... Словом, десять, и бейте себя в грудь, рвите волосы, выньте сердце, клянитесь, что последние. Он поверит. Девять раз уже верил.

Его появление на эстраде обваливает в котловину зала веселую и приветливую груду хлопков. В одной руке Владимира Владимировича портфель, в другой — стакан чая. Он сотрясает своими шагами пол эстрады. Он двигает стол. Прохочут стулья. Рядом раскладываются часы, книжки, стихи, бумажки. Звонит ложечка в стакане. Маяковский обжился. Он осмотрен и осмотрелся.

— Сегодня я!!! — рывкает он и сообщает программой вечера — ... после доклада — перерыв для изъяснения восторгов и отдыха.

— А стихи будут? — жеманно спрашивает какая-то девушка.

— А вам хочется, чтоб скорее интэрэсное началось? — так же жеманно басит Маяковский.

Первый раскат хохота. Маяковский с эстрады подчиняет себе зал.

На клубных подмостках, на эстраде, на трибуне прошла почти вся жизнь Маяковского. Отсюда, с трибуны клубов и цехов массы слышали своего поэта. Здесь, на трибуне, окончательно рассеялись басни о непонятности Маяковского для масс.

Трибуна наложила свой отпечаток на все творчество поэта. Он писал свои стихи так, чтоб они хорошо звучали вслух, чтоб их удобно было произносить. Стихи Маяковского хорошо слушать.

Эстрада была для него не только местом чтения стихов. С эстрады он пропагандировал новые

формы искусства и быта. На эстраде он был революционным агитатором, удивительно умело овладевая аудиторией. Поэт прежде всего разговаривал со своим читателем — это позволяла ему сделать трибуна. Трибуна была необходима Маяковскому, универсальному мастеру слова, величайшему поэту-оратору. Он делился с трибуны своими планами, мыслями. Здесь он изучал действие стихов, получал оценку своей работы и советы, которые он так ценил.

И вот Маяковский громыхает свой доклад. Собственно, это не доклад. Это — блестящая беседа, убедительный рассказ, зажигательная речь. Она полна интересных, живых и ярких фактов, примеров, сравнений. На головы любителей мешанского искусства, на противников новой революционной литературы рушится убийственно меткие остроты, оглушающее негодование, хлесткие определения. Маяковский разговаривает. Стенографистки то и дело записывают в отчете: „смех и аплодисменты, общий смех, бурные аплодисменты“.

Обиженные шумят. На них шикают. Обиженные оскорбляются. Шум.

— Не резвитесь, товарищи, — говорит Маяковский. Он совершенно не напрягает голоса, но грохот его баса перекрывает весь шум. — Не резвитесь! Раз я начал говорить, значит — докончу. Не родился еще такой богатырь, который бы меня переорал. Вы у меня, как проклятые, будете сидеть. В третьем ряду — не размахивайте так страшно золотым зубом! Сядьте. Положите сейчас же газету или уйдите из зала. Здесь слушают меня, а не читают. Можете получить деньги за билет. Я вас не задерживаю.

Маяковскому стало жарко. Он снимает пиджак, аккуратно складывает его и кладет на стол.

— Я здесь работаю. Мне жарко. Имею право улучшить условия работы! Безусловно.

Молниеносные ответы рязят пытающихся „зацепить“ поэта.

— Что? Ну, я вижу, вы ничего не поняли. Собрание постановило считать вас отсутствующими.

Противники никнут. Стенографистки ставят закорючки, обозначающие „смех, аплодисменты“. Но вот выскакивает бойкий молодой человек.

— Маяковский! — вызывающе кричит он. — Вы что думаете, что мы все идиоты?

— Ну, что вы? Кротко удивляется Маяковский, — почему все? Пока я вижу перед собой только одного...

Потом Владимир Владимирович читает свои стихи. Весь зал, и сторонники, и противники стынут во внимательной напряженной тишине. Маяковский передает свои замечательные стихи с не-

подражаемым мастерством. Его поразительный голос звучен, бодр и искренен. Все уголки зала заполнены им. Замерли много слышавшие на своем веку и посту капелъдинеры у дверей; дежурный милиционер и пожарный приоткрыли рты. Маяковский читает. Слово потрясающей крепости и силы, слово грубое, шершавое, острое, радостное мощно колышет остановившийся воздух зала.

И жизнь хороша
и жить хорошо.

Бешено гремит взволнованный зал. Уже прошел первый жар восторга, но аудитория хлопает топает, кричит.

Еще читает Маяковский. Опять онемел зал. Но вдруг из второго ряда шумно, грузно подымается некий толстый и очень бородастый дядя. Он топает через зал к дверям. Широкая борода лежит на громадном его пузе, как на подносе, зал шикает ему. Но он торжественно несет бороду к дверям. И вдруг Маяковский с совершенно серьезной уверенностью говорит:

— Гражданин... пошел... побриться...

Зал лапается от хохота. Борода растерянно и негодуяно исчезает за дверью.

Сотни записок летят на стол. Владимир Владимирович отвечает на них. Он беспощадно высмеивает писульки литературных барышень. С ошеломляющей неиссякаемой находчивостью отвечает он на записки противников. И пользуясь затишьем между двумя взрывами хохота, он опять горячо агитирует на боевую политическую поэзию сегодняшнего дня. Тогда в зале внезапно поднимается худой и очень строгий человек в сюртуке, похожий на учителя старой гимназии. Он поправляет пенсне и начинает распекал Маяковского.

— Нет-с, сударь, извините! Вы изволили в письменной форме утверждать нечто совсем не тактичное об Александре Сергеевиче Пушкине. Изяснитесь устно. Ну-с?

Владимир Владимирович быстро вытянулся — руки по швам — и сказал школьной скороговоркой:

— Простите, простите я больше не буду.

Кончился вечер, мы едем домой. Усталый Владимир Владимирович наполнен впечатлениями и записками. Записки торчат изо всех карманов.

— Все-таки устаешь, — говорит Владимир Владимирович, — как выдохнешь. Брюкам не на чем держаться. Но интересно. Люблю. Очень люблю все-таки разговаривать. Который год, а публика все прет. Уважают, значит. Рабфаковец этот сверху... Приятно. Хорошие ребята... А здорово... я этого, с бородой...

В. Маяковский

Л. Кассиль

Мне наплеватель на бронзы многопудье,*

мне наплеватель на мраморную слизь.

Сочтемся славою —

ведь мы свои же люди —

пуская нам

общим памятником будет

построенный

в бох

социализм.

ПОЭТ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БУРЖУАЗИЯ не любит, чтобы ее тревожили. Она любит, чтобы ее развлекали. Особенно стихами.

Стихи должны быть гладкие, певучие, тихие. Слова в стихах — красивые, поэтические. Темы — спокойные, приятные, возвышенные.

Ничего грубого, резко, тревожного. Стихи должны „ласкать ухо“, а не раздирать его. Таковы требования буржуазии и такова была русская поэзия, когда (в 1915 г.) Владимир Маяковский начал свою поэтическую работу. Маяковский сразу же пошел наперекор всем поэтическим требованиям буржуазной публики. Никакой ласки, никакой приятности — только пощечина, только удар.

Он сказал об этом в своей поэме „Облако в штанах“, обращая к салонному поэту:

Как вы смеете называть поэтом
И серенький, чиркать, как перепел.
Сегодня
Надо
Кастетом
Кроитья миру в череп.

Не для того существуют стихи, чтобы ласкать ухо буржуазной публике, а для того, чтобы дать людям, трудовым людям, новый язык, новые лозунги, новые образы, новую речь.

А то:
пока выкипчивают,
рифмами пидивка,
из любящей и соловей
какое-то варено,
улица корчится безязы-
кая —
ей нечем кричать и
разговаривать.

Стихи Маяковского были совершенно не похожи на стихи, к которым привыкла буржуазная публика. Это была какая-то совсем другая поэзия, для буржуазии никак неприемлемая.

Прежде всего были непривычные темы.

В стихах Маяковского нет ни „красивых“ чувств, ни „изящных“ дам, ни птичек, ни цветочков. Вся его поэзия тогда, в дореволюционное время, была одним сплошным гневным бунтом против жирных, сытых, самодовольных

людей; против тех, кто угнетает, эксплуатирует, подавляет. Он выступал от лица забытых, измученных, измученных людей, которым жизнь не в радость, и требовал для них права участвовать в общем празднике жизни.

Для Маяковского именно эти отверженные жизнью люди были самые близкие, самые родные.

Слушайте!
Проповедует,
Мечась и стена,
Сегодняшнего дня крикогубый Заратустра.
Мы
С лицом, как заспанная простыня,
С губами, обвисшими, как лоастра,
Мы,
Которжане города-лепрозория,
Где золото и грязь наизявили проказу,—
Мы чище венецианского лазорья,
Морями и солнцами омытого сразу.

Маяковский пишет о бедноте, о людях, искорененных капиталистическим строем и выброшенных на улицу.

И пишет Маяковский о них не так, как писали буржуазные демократы, не жалостливо, не со слезой, а гневно, агитационно, призывая всех

Царское правительство тоже не любило, чтоб его тревожили. 15-летний Маяковский был арестован и верифицирован как бесполодный элемент. Его сфотографировали, записали все его приметы, завели на него особую карточку...

угнетенных восстать, взбунтоваться против своих угнетателей.

Ясно, что такого рода тематика потребовала от Маяковского совершенно новых, необычных в поэзии слов и оборотов речи. Нельзя было слабенькими, „ласкающими ухо“ словами звать к бунту, к восстанию.

Поэтому в стихах Маяковского сразу же оказались такие слова и словосочетания, которым по буржуазным правилам в поэзии не место: борщ, сволочь, брюхо, запахло жареным, идемте жрать, заспанная простыня, блохастый, обжиревший, крыластый, околеваает и т. п.

Некоторые слова приходилось усиливать, чтобы сделать их ударней: выжиревший, изыдеваюсь, изругивался, вымаливался, адище, шумище и т. п.

Некоторые слова даже придумывать заново: квартирное тихо, новородит, медье лицо, губы вешины и т. п.

Но мало того.

Новая тематика и новая стихотворная речь потребовали и новых ритмов.

Маяковский создал для своей агитпоэзии свой особый ритм. Ритм ударный, боевой. Ритм, рассчитанный не на тихое чтение в уютных гостиных, а на ораторскую декламацию с эстрад и трибун.

Но в дореволюционное время, какая могла быть агитация с эстрад и трибун? За открытый призыв к восстанию против сытых и жирных тогда сажали в тюрьму, ссылали в Сибирь.

Февральская, а затем Октябрьская революции дали Маяковскому то, чего нехватало его творчеству: ясную целеустремленность и массовую трибуну.

Октябрьская пролетарская революция точно указала Маяковскому, где друзья и где враги; кого надо бить и кому надо помочь в борьбе.

Неопределенные представления о сытых и голодных, жирных и исхудалых, богатых и бедных превратились в точные понятия о буржуазии и пролетариате, а жажда бунта — в тактику классово-буржуазной борьбы.

С первых же дней Октябрьской революции и до последних своих дней Маяковский неуклонно шел по однажды избранному пути. Своим сатирическим стихом он бил буржуев, мешан, обывателей, бюрократов, врагов пролетариата, а своим стихом пафосным бодрил и укреплял борцов за социализм.

В своей поэтической работе Маяковский не отказывался ни от какой, самой мелкой, черной работы. В отличие от поэтов, которые ищут обязательно каких-то „больших“ тем для своих вдохновений, Маяковский с радостью и рвением брался за каждое поэтическое задание, если оно было полезно в революционной борьбе.

В гражданскую войну Маяковский писал агитки для „окон РОСТА“, давал лозунги, делал подписи к рисункам.

В годы нэпа он писал рекламы нашим трестам и кооперативам, помогая им в борьбе против частника.

Знаменитое.

„Нигде кроме, как в Моссельпроме“, над которым посмеиваются „настоящие“ поэтические поэты, сыграло в то время огромную по-

стихи Маяковского несут свою службу на Черченском металлургическом заводе

Три смены рабочих отказались работать в туннелях отходящей воды первой домы: грязь, пар, вода, осколки шлака. Комсомолец Карамзин предложил ячеей очистить туннель. Собравне выслушало Карамзина молча. Домну нужно было пусгить. ОЧИСТИТЬ ТУННЕЛЬ, НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО! Двое малодушных ушли. Ячейка пошла на работу.

Едкий пар застилал место работы. Люди в темном туннеле падали друг на друга. Вода проникала в сапоги. Осколки шлака резали руки. Рабочие отбавили шлак, гнали воду. КОГДА ЯЧЕЙКА ВЫБИВАЛАСЬ ИЗ СИЛ, КАРАМЗИН ЧИТАЛ ЕЙ СТИХИ МАЯКОВСКОГО. На десятый день туннель был очищен — НА 6 ДНЕЙ РАНЬШЕ СРОКА.

литическую роль, сделав наш Моссельпром популярным не только у нас в Советской России, но и за границей.

Теснейшей связью был связан Маяковский со всеми газетами и журналами СССР. Он считал свою работу в газетах на злободневные темы — основной своей работой. Чтобы вдохновиться, ему не нужно было бежать „в широкошумные дубравы“, как говорил Пушкин, или удаляться „на лоно вод“; именно в шуме повседневной жизни, в обстановке революционной борьбы находил он и темы, и слова, и ритмы своих стихов.

Агитлитературные выступления Маяковского лучше всего опровергают вздорную мысль, будто Маяковский не понятен массам. Кто хотел его понять — понимал, не понимал, тот, кто понять его не хотел.

Умер Маяковский внезапно, неожиданно. Умер, застрелившись из револьвера.

Почему застрелился Маяковский?

Обыватели поспешили распустить по поводу самоубийства Маяковского уйму глупейших сплетен. Болтают о какой-то „тайной“ болезни, о какой-то любовной неудаче и еще о какой-то ерунде.

Все это вздор. Причина проста.

Слишком неблагоприятно, слишком расточительно расходовал Маяковский свои физические и духовные силы. Не рассчитал и надорвался. Не справился с мелкой личной неприятностью. Нехватило сил.

Смерть Маяковского — трагическая случайность, и нечего по этому поводу разводиться ни сплетен, ни философий.

Литературное наследие Маяковского огромно. Прodelанную им работу надо тщательно изучить и исследовать. Это поможет нашим молодым пролетарским поэтам найти способ, как сделать нашу поэзию могучим оружием в борьбе за социализм, как изжить последние остатки буржуазных поэтических традиций, которым не место в пролетарской литературе.

ДЕТСТВО МАЯКОВСКОГО

ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ „ПИОНЕРА“, СЕСТРА ВЛАДИМИРА
ВЛАДИМИРОВИЧА—ЛЮДИЛА ВЛАДИМИРОВНА МАЯКОВСКАЯ—
РАССКАЗЫВАЕТ ЗДЕСЬ О ДЕТСТВЕ ПОЭТА

7 ИЮЛЯ 1894 г. родился Володя в селе Багдады, Кутаисской губ.

Отец Владимир Константинович был лесничий, а мама (как называл ее Володя до конца своих дней) была воспитательницей, всецело посвятившей себя детям.

Детство Володи протекало в трудовой деревенской обстановке.

Жили в лесничестве, в окружении грандиозной и разнообразной природы.

Дом всегда полон птиц и животных; лошадь, множество собак, кошек. Обездички, зная нашу любовь к зверям, приносили маленьких живых лис, белок, медвежат, джейранов (диких коз).

Звери—любимые друзья Володи.

Володя рано проявлял самостоятельность. Был настойчив и серьезно.

Едва научился говорить, стал декламировать стихи, которые запоминал со слов.

Помню длинный стол на балконе, Володя сидит в конце, его почти не видно из-за стола, а он громко и четко читает. „В шапке золота литого“ или „Был суров король Дон-Педро, трепетал его народ“.

Отец гордился его блестящей памятью и заставлял его читать стихи.

Володя со слезами ходил за мамой, упрямая просьба чтобы прочел что-нибудь.

Лет пяти он выучился читать сам. Первые книжки были: „Птичница-Агафья“, „Моя мама“, „Первое горе“, „Дон-Кихот“.

Игрушки любил только заводные, которые немедленно разбираю, интересуюсь механизмом.

Любимыми играми были путешествия, с ланьезом по деревьям, заборами, переходы по бурным рекам, карабкание по скалам. Он ловил крабов, которые расплозились по всей квартире.

Одно из любимых занятий, придуманных Володей, было скакывание на камнях с горы к реке Ханис-Хвали. Он уговаривал сестру: „Так хорошо лететь вниз, кругом все сыплетсЯ, трещит страшно, а все-таки остаешься целым“.

С семи лет отец брал Володю с собой в обезд лесничества на лошади. Этого Володя ждал всегда с нетерпением.

Летом в 1901 г. мы всей семьей ездили в Сухум. Путешествие произвело на Володю огромное впечатление. Потом он целыми днями рисовал пароходы.

Он начал рисовать рано и рисовал хорошо.

В Багдадах не было ни школы, ни учителей, а потому в 1901/1902 г. мама переехала с Володей в Кутаис, где он подготовился в гимназию, сначала с Ю. Ф. Глушковской, которая очень его любила и обсуждала с ним каждый вопрос, как со взрослым человеком. Тут же у него были друзья-гимназисты старших классов.

С одноклассниками мальчиками и девочками, за исключением сестры Оли, Володя не дружил ни с кем.

В 1902 г. Володя держал экзамен в классическую кутаисскую гимназию, будучи болен брюшным тифом. Учился хорошо по тем предметам, которые его интересовали: русский язык, история, география; языков не любил, арифметику также.

На лето всей семьей уезжали в с. Багдады к отцу. Каждую субботу приезжал отец в город и спрашивал, чем теперь занимается Володя. У него были все новые и новые интересы, в которые он уходил весь. То выжидал, то собирал марки, то переплетал книги, то интересовался механизмом часов, и тогда все часы и будильники нужно было прятать. Нужна была ртуть—разбивались термометры. Нужен был прут железный—вытаскивался из кровати. Так любил Володя додуматься до всего сам.

В 1904/1905 г. началось революционное движение, и Володя был весь поглощен им. Читал газеты, журналы, нелегальщину. Ходил на митинги, собрания, сбросил с гимназической фуражки герб,

посещал политкружки с сестрой, карауля и покрывая друг друга.

Он весь был охвачен революцией и его письма были наполнены этими впечатлениями. Одно из них мы печатаем ниже.

В 1906 г. умер отец от заражения крови, наколовшись иголкой, и вся семья в июле переехала в Москву.

Здесь пришлось жить в большой нужде.

В 1906 г. Володя поступил в 4-й класс 5-й классической гимназии, но через год сам попросил взять его оттуда, так как возможен был арест за участие в политкружках.

Мы знали, что Володя настойчив и не изменит своих решений, и взяли его из гимназии. Вскоре он 14-летним мальчиком впервые был арестован и попал сначала в Сущевскую, затем Мещанскую и Мясницкую части.

Володя в 1908 г. был арестован за принадлежность к РСДРП(б), за хранение и распространение нелегальной литературы.

Он судился вместе с другими товарищами, которых сослали в Туруханский край, но Володя, ввиду его несовершеннолетия, освободили на поруки матери.

В 1909 г. был организован побег из женской тюрьмы. Часть подготовка к побегу шла в нашей квартире.

Володина мама шила гимназические платья для беглянок, прятала ключи, револьвер, смолистый канат, подучала нелегальную почту.

В связи с этим делом была засада полиции. Володя был арестован и просидел в одиночке № 103 Бутырской тюрьмы около 11 месяцев. По освобождении из тюрьмы поступил в Строгановское училище и стал заниматься живописью для поступления в училище живописи, ваяния и зодчества.

В это время Володе было 16 лет, и с этого времени начинается его самостоятельная жизнь.

Л. Маяковская

ПИСЬМО МАЯКОВСКОГО

ДОРОГАЯ Люда. Мы получили твое письмо 1-го и сейчас же все успели писать. Пока в Кутаисе ничего страшного не было, хотя гимназия и реальное заставали, да и было вачем бастовать. На гимназию были направлены пушки, а в реальном сделали еще лучше: пушки поставили во двор, сказав, что при первом возласе камня не оставляя на камне.

Новая блестящая победа была совершена казаками в городе Тифлисе. Там шла процессия с портретом Николая и приказал гимназистам снять шапки. На несолесие гимназистов казаки ответили пулями, два дня продолжалось это избиение.

Первая победа над царскими башибузукими была одержана в Гурии; этих собак там было убито около двухсот. Кутаис тоже вооружается. По улицам только и слышны звуки „Марсельезы“. Здесь тоже пели „Вы жертвою пали“, когда служили панихиду по Трубецкому и по тифлиским рабочим.

Пиши и мне тоже. Целую тебя крепко. Твой брат.

1905 г.

Володя

рых сослали в Туруханский край, но Володя, ввиду его несовершеннолетия, освободили на поруки матери.

В 1909 г. был организован побег из женской тюрьмы. Часть подготовка к побегу шла в нашей квартире.

Володина мама шила гимназические платья для беглянок, прятала ключи, револьвер, смолистый канат, подучала нелегальную почту.

В связи с этим делом была засада полиции. Володя был арестован и просидел в одиночке № 103 Бутырской тюрьмы около 11 месяцев. По освобождении из тюрьмы поступил в Строгановское училище и стал заниматься живописью для поступления в училище живописи, ваяния и зодчества.

В это время Володе было 16 лет, и с этого времени начинается его самостоятельная жизнь.

Л. Маяковская

Юношей

Юношеству занятый масса,
Грамматикам учим дурней и дур мы.

Меня-ж
из пятого вышибли класса,
Попли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут курчавые лирики.
Что выищешь в этих болоночных лири-
ках?!

Меня вот
любить
учили
в Бутырках ¹⁾.
Что мне тоска о Булонском лесе?! ²⁾
Что мне вздох от видов на море?!
Я вот

в «бюро похоронных процессий»
влюбился,
в глазок 103 камеры.
Глядя ежедневное солнце,
зазнаются.

«Чего, мол, стоят лученышки эти?»
А я —
за степного,
за желтого зайца
отдал тогда бы все на свете.

Мой университет

Французский знаете?
Делите?
Множите?
Склоняете чудно!
Ну и склоняйте!
Скажете —
а с домом спеться
может?
Язык трамвайский вы понимаете?
Птенец человеческий,
Чуть только вывелся, —
за книжки рукой,
за тетрадные дести.
А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жесты.
Землю возьмут,
обкаряв,
ободрав ее —
учат.
И вся она — с крохотный глобус.

А я
боками учил географию, —
не даром же
наземь
ночевкой хлопаясь!
Мутят Иловайских ³⁾ больные во-
просы:

— Была-ль рыжа борода Барба-
россы?

Пускай!

Не копаешь в пропыленном вздо-
ре я —
любая в Москве мне известна
история.

Берут Добролюбова (чтоб его не-
навидеть),

фамилия-ж против
скулит родовая.

Я
жирных
с детства привык ненавидеть,
всегда себя
за обед продавал.

2. Из разговора с памятником Пушкину

Александр Сергеевич,
разрешите представиться,
Малковский.

Вот —
пустили сплетню,
тешат душу ею.

Александр Сергееч,
да не слушайте-ж вы их!

Может,
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых

Мне
при жизни
с вами
сговориться-б надо.

Скоро, вот,
и я умру
и буду нем.
После смерти
нам
стоять почти что рядом;
вы на Пе,
а я

на Эм.
Кто меж нами?
С кем велите знаться?

Чересчур
страна мол
поэтами нища.
Между нами
— вот беда —
позатесался Надсон.

Мы попросим,
чтоб его куда-нибудь
на Ща!

А Некрасов
Коля,
сын покойного Апеши —
он и в карты,
он и в стих,
и так
не плох на вид.

Знаете его?
Вот он
мужик хороший.

Этот
нам компания —
пускай стоит.

Были-б живы —
стали бы
по Лefу соредатор.

Я бы
и агитки
вам доверить мог.

Раз бы показал:
— Вот так-то, мол,
и так-то...

Вы-б смогли —
у вас
хороший слог.

Я дал бы вам
Жирность
и сукна,
в рекламу-б
выдал
гумских дам ⁴⁾

(я даже

ямбом ⁵⁾ подсюсюкнул,
чтоб только
быть приятней вам).
Вам теперь
пришлось бы
бросить ямб картавый.

Нынче
наши перья —
штык
да зубья вил, —

битвы революции
посерьезнее «Полтавы»,
и любовь
пограндиознее

онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
Старомодный Плюшкин ⁶⁾.

перышко держа,
полезает
с перержавленным.

— Тоже, мол,
у Лefов
появился Пушкин.

Вот арап!
а состязается
с Державиным...

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навели хрестоматийный глянec.

Вы,
по-моему,
при жизни
— думаю —

Тоже бушевали.
Африканец!
Сукин сын Дантес ⁷⁾,
великосветский шкода.

Мы-б его спросили:
— А ваши КТО родители?
Чем вы занимались
ДО семнадцатого года?
Только этого Дантеса бы и видели.

Хорошо у нас
в Стране Советов.
Можно жить,
работать можно дружно.

Только, вот,
позтов,
к сожаленью, нету, —
впрочем, может,
это и не нужно.

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.
Заложил бы
динамиту,
—Ну-ка,
дрызны!

Ненаввижу
всякую мертвечину!
Обожаю
Всяческую
жизнь

3. МЫ НЕ ВЕРИМ

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюл-
летень.

Нет!

Не надо!

Разве молнии велишь
не литься?

Нет!

Не ковать язык грозой!

Вечно будет
тысячестраничный

грохотать

набатный
ленинский язык.

Разве гром бывает немостою бо-
лен?!

Разве удержишь смерч,
чтоб вихрем не кипел?!

Нет!

Не ослабнет ленинская воля
в миллионносыльной воле ВКП.

Разве жар
такой

термометрами меряется?

Разве пульт
такой

секундами гудит?!

Вечно будет ленинское сердце
клокотать

у революции в груди.

Нет!

Нет!

Не-е-т...

Не хотим

не верим в белый бюллетень.

С глаз весенних

сгинь, навязчивая тень!

4. ИЗ ЛЕВОГО МАРША
(матросам)

Разворачивайтесь в марше!

Словесной не место клюзе.

Тише, ораторы!

Ваше

слово,

товарищ маузер.

Довольно жить законом,

данным Адамом и Евой.

Ключу историю загоним.

Левой!

Левой!

Эй, синемлузы!

Рейте!

За океаны!

Или

у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!

Пусть,

оскалясь короной,

вздыхает британский лев вой.

Коммуне не быть покоренной.

Левой!

Левой!

Левой!

Глаз ли померкнет орлий?

В строю ль станем плялиться?

Крепи

у мира на горле

пролетариата пальцы!

Грудью вперед бравой!

Флагами небо оклеивай!

Кто там шагает правой?

Левой!

Левой!

Левой!

6. ИЗ „БРОДВЕЯ“

Асфальт — стекло.

Иду и звеню.

Леса и травинки —

сбиты.

На север

с юга

идут авеню⁹⁾,

На запад —

с востока —

стрипы¹⁰⁾.

А между —

(куда их строитель завез!) —

дома

невозможной длины.

Одни дома

длиной до звезд,

другие —

длиной до луны.

Вагоны едут

и дымам под рост,

и в пятнах

домовых

трусая,

и вынесут

хвост

на Бруклинский мост,

и спрячут

в норы

под Гудзон¹¹⁾.

5. ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:

кто в глав,

кто в ком,

кто в полит,

кто в просвет —

расходится народ в учреждения.

Обдают дождем дела бумажные,

чуть войдешь в здание,

отобрав с полсотни —

самые важные! —

слушание расколется на заседа-
ние.

Заявиться:

«Не могут ли аудиенцию дать?

Хожу со времени сна».

«Товарищ Иван Ванюч ушли за-
седать —

объединение Тео и Гукона».

Исколесил сто лестниц.

Свет не мил.

Опять:

«Через час велели притти вам.

Заседают:

покупка склянки чернил

Губкооперативом».

Через час

ни секретаря,

ни секретарши нет —

гоп!

Все до 22 лет

на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,

На верхний этаж семизэтажного
дома.

«Пришел товарищ Иван Ва-
нюч?—

«На заседании

А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,

На заседание

врываюсь лавиной,

Дикие проклятия изрыгал.

И вижу:

сидят людей половины.

О, дьявольщина!

Где же половина другая?

«Зарезали!

Убили!»

Мечусь, оря.

От страшной картины свихнулся

разум.

И слышу

сложнейший голосок секретаря:

«Они на двух заседаниях сразу.

В день

заседаний на двадцать

надо попеть нам.

Поневоле приходится разорваться

До пояса здесь,

а остальное

там».

С волнения не усношь.

Утро раннее.

Мечтой встречаю рассвет ранний:

«О, хотя бы

еще

одно заседание

относительно искривления всех за-
седаний!»

А лампы
как станут
ночь копать,
Ну, я доложу вам —
пламечко!
Налево посмотришь —
мамочка мать!
Направо —
мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской
братве.

И за день
в конце не дойдут.
Это — Нью-Йорк.
Это — Бродвей¹²⁾.
Гау ду ю ду!¹³⁾
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
келченку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
На буржув
смотрим свысока.

Аудитория
сыплет
вопросы колючие,
старается озадачить
в записочном рвении.
«Товарищ Маяковский, прочтите
лучшее
ваше
стихотворение».

Какому
стиху
отдать честь?
Думаю,
упершись в стол.
Может быть,
это им прочесть,
а может, прочесть то.
Пока
перетряхиваю
стихотворную старь.

И нем
ждет
зал.
Газеты
«Северный Рабочий»
секретарь
тихо
мне
сказал...

И гаркнул я,
сбившись с поэтического тона,
громче
ирихонских хайл:
«Товарищи!
Рабочими
и войсками Кантона
взят
Шанхай!»
Как-будто
жесть в ладонях мнут,
овадий сила
росла и росла.
Пять,
десять,
пятнадцать минут
рукоплескал Ярославль.
Не приравняю
всю
поэтическую слякоть,
любую
из лучших поэтических слав,
не приравняю
к простому
к газетному факту,
если
так
ему
рукоплещет Ярославль.

Плакат с текстом Маяковского.

Примечания к стихам

- 1) Бутырки — тюрьма, в которой сидел Маяковский при царизме.
- 2) Булонский лес — парк в Париже.
- 3) Иловайский — автор гимназического учебника истории.
- 4) Кузнецкий мост — улица в Москве.
- 5) Маяковский писал стихи-рекламы для ГУМа.
- 6) Ямб — размер стиха, которым часто писал Пушкин.
- 7) Плюшкин — один из героев тобольских «Мертвых душ».
- 8) Дантес — убийца Пушкина.
- 9) и 11) Авеню и стриты — улицы Нью-Йорка.
- 11а) Гудзон — река в Нью-Йорке.
- 12) Бродвей — одна из главных улиц Нью-Йорка.
- 13) Гау ду ю ду — американское приветствие.

НА ВЫСТАВКЕ МАЯКОВСКОГО

Раньше я всегда говорил, что Маяковский пишет непонятно и даже ругал его за это. Когда открылась выставка его двадцатилетней литературной деятельности — я пошел посмотреть эту выставку.

Там я увидел на стенах плакаты-афиши о том, где он выступал и на какую тему; журналы и газеты, в которых напечатаны его вещи. Видел отдельные рукописи его последней пьесы «Бня» (эту «Баню» я видел в театре им. Мейерхольда и плохо понял, но когда я прочитал о ней критические статьи, то мне все стало ясно). Был и на выставке его работы в годы гражданской войны — «окна РОСТА», плакаты...

Объяснения своим экспонатам давал сам Маяковский. Он был очень высокий, говорил громко и отчетливо. Объяснял он очень просто и понятно, а вот читать его стихи трудно, но...

Здесь очень большое «но», и вот в чем оно состоит: если внимательно, по пунктам разбирать его произведения, то они станут понятными и уже так запомнятся, что никогда не забудешь. И теперь, когда я уже понимаю Маяковского — я его не ругаю, а люблю.

Москва.

Деткор Янет

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ВЫШЛИ В СВЕТ ИЗДАНИЯ „МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“

БИБЛИОТЕКА ПИОНЕРА-АКТИВИСТА

- Соловейчик.— Шефствуйте по-новому. 32 стр. Цена 10 коп.
Федосеев В.— Вено в лагере. Книга для вожатых звеньев. 39 стр. Цена 13 коп.

ЖЕМЧУЖИНЫ ОПЫТА

- Лифищц А.— В бой за учебу (борьба со второгодичеством). 27 стр. Цена 8 коп.
Шутерброт М.— Лицом к лицу (пионеры Терского округа на хлебозаготовках). 31 стр. Цена 9 коп.

КАК РАБОТАТЬ В ПИОНЕРОТРАДЕ

- Студенецкий Н. (сост.).— Десять лет мировой пионерии. Сборник материалов к проведению X МДН и десятилетия деткомдвижения в пионеротряде и школе. 152 стр. Цена 50 коп.
Ос Гр.— Будем готовы! (О военной работе среди пионеров). 47 стр. Цена 12 коп.

КАК РАБОТАТЬ С ОКТЯБРЯТАМИ

- Рабинова Л. и Попова А.— Октябрьский клуб (опыт работы). С 54 рисунками и 4 фотографии. 131 стр. Цена 55 коп.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ И НА МОРЕ

- Ниман А.— Питер Мариц, юный бур из Трансвааля. Историческая повесть в переработке А. Дермана. Обложка и иллюстрации худ. В. Г. Бехтеева. 203 стр. Цена 1 руб. 50 коп. переп. 35 к.

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

- Громов Б.— Поход «Седова» (экспедиция «Седова» на землю Франца-Иосифа в 1929 году). 86 стр. Цена 60 коп.
Розенфельд М.— Клад пустыни Кара-Кум. Для детей старшего возраста. С 11 фотографиями. 95 стр. Цена 80 коп.
Шпанов Н.— Подвиг в льдах. Для детей старшего возраста. 135 стр. Цена 95 коп.

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЖЕНЩИНАХ

- Степняк-Кравчинский.— Ольга Любатович. Под редакцией И. Халтурина. Обложка и рисунки К. Истомина. Для детей старшего возраста. 48 стр. Цена 15 коп.

УДАРНЫЕ КНИЖКИ

- Кац Д.— Книга о молоке и мясе. 30 стр. Цена 10 коп.
Харджиев Н.— Особая Дальневосточная. 1930 г. 29 стр. Цена 10 коп.
Яффе Г.— Глаша-Мотор. 30 стр. Цена 13 коп.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА

- Ильин М.— Фабрика будущего. Для детей среднего и старшего возраста. Рисунки Н. Ф. Лапшина. Обложка С. Бигос. 30 стр. Цена 17 коп.

ВНЕ СЕРИЙ

- Бичер-Стоу.— Беглецы. Эпизоды из романа «Хижина дяди Тома». Переработал для советского юношества Н. Могучий. 181 стр. Цена 95 коп.
Бобинская Я.— Маленькие рассказы. 48 стр. Цена 18 коп.
Внуков В.— Занимательная физика на войне. С 36 рисунками. 2-е исправленное и дополненное издание. 79 стр. Цена 25 коп.
Выгодская Э.— Приключения Марка Твэна. Биографическая повесть для юношества. 191 стр. Цена 1 руб. 20 коп.
Данилов Н.— Работа пионеров в жактах. 111 стр. Цена 40 коп.
Кассиль Л.— Кондуит. Последняя повесть о гимназии. Обложка и 14 рисунков художника А. Брея. 85 стр. Цена 65 коп.
Киплинг Р.— Отважные мореплаватели. Повесть для детей старшего возраста. Перевод с английского под редакцией А. Адалис. 2-е переработанное издание. 231 стр. Цена 1 руб.
Рубинштейн Л.— Не подумай, не отвечай. Задачи на сообразительность. С 33 рисунками в тексте. 32 стр. Цена 25 коп.
Тамбовцев П.— История одной базы. 77 стр. Цена 35 коп.
Техника детям. Периодические сборники по вопросам политехнического воспитания. Под редакцией П. Бенюха, Н. Булатова, А. Волкова, И. Розанова и К. Соколова. Сборник первый. 72 стр. Цена 45 коп.
Южная Г.— Таракан. Для детей младшего и дошкольного возраста. 8 стр. Цена 12 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСАМ:

Москва, Центр, Новая площадь, дом № 6, книжная база изд-ва «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» и во все отделения. При заказе высылать задаток в размере 25%. Заказы до 2 рублей выполняются по получении всей стоимости заказа (можно почтовыми марками).

- Для Центральной области— Ленинград, просп. 25 Октября, 66.
• Левобережной Украины, Донбасса и Крыма— Харьков, Педольский пер., 2.
• Правобережной Украины— Киев, ул. Вороньского, 25, пассаж. 33.
• Северного Кавказа— Ростов и Дону, ул. Фр. Энгельса, 192.
• Средней Азии— Ташкент, ул. Карла Маркса, 28.
• Уральской области— Свердловск, ул. Малышева, 62.

- Для Центрально-Черноземной области— Воронеж, проспект Революции, 20.
• Средне-Волжской области— Самара, Ленинградская, 17.
• Нижне-Волжского края— Саратов, ул. Республики, 27.
• Нижегород. края— Нижний-Новгород, ул. Свердлова, 15, п. 3.
• Иваново-Вознесенской области— Иваново-Вознесенск, Социалистическая, 6.